

получается: «Прежде всего необходимо не бояться сказать «я-русский», моя нация — русская, у моего государства есть национальные (а не некие абстрактные общедемократические, либерально-рыночные, «правочеловеческие» и прочие) интересы. Наконец, необходимо сказать громко, чтобы это отчетливо услышали не только в России, но и за рубежом «горжусь тем, что я русский, и это право я буду защищать»(5). В противном случае приобретает силу приведенное автором высказывание Л. Шебаршина: «Россия — это страна, населенная русскими, которыми правят россияне». Получается, что первый шаг на пути преодоления мировоззренческого хаоса в стране заключен в магической фразе «Я — русский», а первая фраза политика должна быть от Е. М. Примакова: «Я защищаю национальные интересы». Все это необходимо не только для проведения границ между различными интересами, но и для продолжения русской традиции органичности культуры — отказа от проведения разделения людей по этническому признаку.

Лишь осознав национальную идентификацию, можно ликвидировать хаос и катастрофы в XXI в., поскольку социальный катастрофизм России связан с движением наперекор традиции диалога культур. Вопрос о возрождении России — это вопрос о русской духовности. Духовность неразрывно связана с интеллектуальными ресурсами нации, с интеллигентностью (а не образованностью или религиозностью только). Носителем и защитником духовности в нашем обществе уже была интеллигенция — теперь вопрос ставится о смене типа интеллигентности под воздействием изменения самой народной жизни. Диалог двух великих народов — богоносного и богоизбранного — спасет Россию и мир.

1. Великодный А. Л. Россия-Мессия. М., 1998. С. 17.
2. Гачев Г. Д. Русская дума. М., 1991. С. 148
3. Там же. С. 149.
4. Гачев Г. Д. Русская дума. М., 1991. С. 152.
5. Там же. С. 35-36.

Н. Н. Никитина
Екатеринбург

«УЧИТЕЛЬСТВО» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МОДУС КУЛЬТУРЫ

Каковы роль и место учителя в современной культуре? Этот вопрос представляется нам актуальным в современном обществе,

становящимся все более прагматичным. Современное рыночное общество, базирующееся на идеологии спроса и предложения, создавшее ценностную парадигму «все есть маркетинг», ставит под вопрос необходимость и возможность «учительства» как культурной миссии, ибо последняя предполагает ориентацию на бескорыстные духовные ценности.

Какими сущностными чертами характеризуется образование в современном обществе, обретающем черты постиндустриального социума? Сущность постиндустриального общества прояснил М. Кастельс (1), обозначив ее словом «сеть». Имеются в виду возможности информационных технологий. В таком обществе в сеть превращается все, в том числе и образование. Развитие информационных технологий переводит на технико-алгоритмическую основу такие традиционные для педагога индустриального общества функции, как добывание информации и обучение. Проще говоря, машина заменяет педагога в этих функциях. Появление такого информационного продукта, как обучающие программы, развитие дистанционного обучения, — создают техническую возможность обучения школьников и студентов в домашних условиях без посещения школы, колледжа и университета. Обучающие программы не только способны функционально заменить учителя, но обладают рядом значительных преимуществ по отношению к неэлектронным технологиям и методикам преподавания: богатейший визуальный ряд, интерактивный характер, возможность работать с продуктами самого высокого качества. Возможности же современных машин как средств поиска информации — просто безграничны. Таким образом, две из трех традиционных задач учителя: обучающая, развивающая и воспитательная, — решаются в век электроники машинами. Необходимость же решения воспитательной задачи в неидеологизированном, плюралистическом обществе ставится под сомнение многими теоретиками и практиками образования. В современном российском государственном образовательном стандарте общего образования (в федеральном компоненте) четко прослеживается ориентир на предметную и деятельностную составляющие образованности учащегося, ценностная же составляющая образованности явно не прописывается (2). Таким образом, информатизация образования ведет к его прагматизации и к постановке вопроса о перспективах сохранения учительства уже не только как культурной миссии, но и как профессии, как вида деятельности.

Так что же это такое — «учительство»? Есть ли в этом понятии что-то, не исчерпывающееся его информационно-дидактичес-

ким содержанием? Является ли «учительство» неким инвариантом, неким универсальным модусом культуры, который не может быть вычеркнут из культуры при любом уровне развития техники?

Классик гуманистической педагогики и психологии Карл Роджерс, заставший при своей жизни превращение западного общества в постиндустриальное, тем не менее, писал о необходимости достижения учителем качества *фасилитаторства*. В этот термин Роджерс вкладывал несколько значений. Во-первых, способность учителя к организации самостоятельной учебной деятельности ученика (принцип проблемности обучения), во-вторых, способность учителя вжиться во внутренний мир учащегося посредством эмпатии, и, в-третьих, способность учителя к личностно-искреннему характеру взаимоотношений с целью раскрытия и развития индивидуальности учащегося (3). Известный отечественный педагог из Таганрога А. Федоров зафиксировал в своих работах, что, с помощью электронных средств массовой информации, произошло создание второго, параллельного академическому, образования — медиаобразования (4). Действительно, современный ученик получает самостоятельно образование с помощью медиатекстов (это телевизионная информация, веб-информация, информация с аудио-видео кассет и т. д.). Однако и Федоров считает, что учитель, не участвуя в медиаобразовании организационно, тем не менее, необходим ученику. В каком качестве? В качестве интерпретатора медиатекстов, так как, в большинстве случаев, эти тексты мифологичны и собственного опыта, как интеллектуального, так и жизненного, — учащемуся не хватает, чтобы разобраться с этим валом информации. Таким образом, если говорить об информатизации современного образования, то, на наш взгляд, учитель остается востребованным в таком образовании, осваивая функции организатора, менеджера учебного процесса и интерпретатора текстов, в том числе и медиатекстов.

Но более важным для нас является вопрос о сохранении культурной миссии учительства. Независимо от того, ставится или нет в современных образовательных стандартах задачи ценностно-ориентационного характера, — формирующийся человек «озабочен» этой проблемой. Такова природа сознания: человек, живущий в культуре, нуждается в ценностных ориентациях. Один из основных механизмов формирования ценностей сознания — подражание образцам культуры. Может ли сегодняшний российский учитель выступать по отношению к учащемуся неким образцом? Может ли он, живущий на нищенскую зарплату, измученный перегрузками на работе, конкурировать в качестве образца, с теми же сред-

ствами массовой информации, преподносящими молодежи множество ярких, стильных, материально-успешных образцов? Как правило, нет. Да и в цивилизованных странах деятельность на педагогическом поприще не стоит в ряду самых престижных.

Что же необходимо учителю по профессии, чтобы он превратился в учителя по своей культурной миссии? Ему нужно обрести «нечто», что выходит за рамки его функционала, за что никто никогда не заплатит, что является немодным, непрактичным и неправильным с точки зрения современного общества, в котором всякая услуга должна быть оплачена. Мы имеем в виду такие качество, как «отзывчивость». Отзывчивость как качество эмоционально-чувственное, интеллектуальное и поведенческое. Без интуиции, способности и умения сопереживать другому — нет учителя. О психологическом аналоге этого качества, об эмпатии, писал К. Роджерс. Уметь представить себя на месте Другого вплоть до тактильных ощущений («Представить себя в туфлях этого Другого»), — так писал об эмпатии этот психолог и педагог. Однако, не «эмпатия», а другой термин — *«сердечность»* более адекватен эмоционально-чувственной характеристике «учительства». К. Роджерс говорит о качестве эмпатии как о психологическом феномене, развиваемом в человеке с помощью тренингов и т. п., и являющимся в определенном смысле психологической техникой. Говоря же о качестве сердечности, мы имеем в виду, в качестве его основания, жизненные ценности человека — доброту, отзывчивость, терпимость. Исаак Яковлевич Лойфман не пользовался ни одной из современных техник психологии общения — не обладал синтетической американской улыбкой, не пытался расположить к себе собеседника какими-то особыми приемами и т. п. Но за его внешней сдержанностью всегда чувствовалась глубокая внутренняя и очень добрая заинтересованность в другом человеке, независимо от социального положения последнего. Доброта Лойфмана, казалось, знала пределов. Он не отказывал в помощи никому, даже тем, кто лишал его работы.

Учитель — это тот, кто способен интеллектуально и действительно откликнуться на проблемы ученика. Понять, как помочь в решении проблем каждому ученику, — задача интеллектуальной отзывчивости. Способность *«дать совет»* — дело учителя. Все, кто прошел школу Исаака Яковлевича Лойфмана, знали об этой его способности. Он блестяще помогал в формулировке тем диссертационных исследований, научных статей: получая его предложения, «советы», ты начинал понимать, что он больше, чем ты сам понимает твои творческие потенции, твое нереализованное «я». Он помо-

гал тебе понять самого себя. Невозможно, например, представить ситуацию, чтобы Лойфман, попытался поменять тему диссертационного исследования аспиранта только потому, что собственные творческие интересы руководителя ушли в другое русло. В работе с учениками он не навязывал свои идеи; и хотя аспиранту как бы «полагается» развивать методологические идеи руководителя, Лойфман старался найти творческую изюминку, прежде всего, в самом аспиранте. Свои же методологические подходы он предлагал реализовывать очень скромно, даже застенчиво. «Дать совет» — это не только интеллектуальный акт, это уже поступок для учителя. Но, в некоторых ситуациях, ученик нуждается в помощи учителя в более практичной форме: помочь участвовать в сборнике публикаций, на конференции; отвести навет и т. п. Эту практическую, действенную помощь можно назвать «поддержкой». Достаточно вспомнить, как принял на себя удар Лойфман, смягчая участь своих учеников, в известной партийно-административной разборке на философском факультете УрГУ в 1980 году. Итак, отзывчивость, как сущностная характеристика «учительства», включает в себя — способность дать «совет» (интеллектуально-знаниевый аспект феномена), оказать «поддержку» (деятельно-практический аспект феномена) и «сердечность» (эмоционально-чувственный аспект феномена). Учительство является своеобразным преломлением таких универсальных ценностей культуры как Добро («сердечность» и «поддержка») и Истина («совет»), бытийно-личностной формой их осуществления, своеобразным универсальным модусом культуры. В какой ряд ценностей следует поставить «учительство»? Нам представляется, что в одном ряду с ценностью «отцовства», в ее гендерном прочтении. Без всякого преувеличения можно говорить о том, что Исаак Яковлевич сыграл отцовскую роль, роль духовного наставника по отношению ко многим своим ученикам.

Способен ли практически любой учитель, например школьный учитель, выполнить культурную миссию учительства? К. Роджерс, отвечая на вопрос, всякий ли школьный учитель может стать учителем-фасилитатором, полагал, что если взять учителя без всякой специальной подготовки, то готовность к фасилитаторской деятельности проявят примерно 10% учителей. Однако при специальной подготовке, прежде всего, самоподготовке учителя, — такую готовность, со временем, обнаружит большинство учителей. Что же касается «учительства», то практически каждый учитель может справиться с этой миссией в интеллектуально-знаниевом и деятельностно-практическом плане в силу большего жизненного опы-

та по сравнению с учениками, профессиональной подготовки и социального статуса. А вот что касается качества «сердечности» — то это — ценностный выбор самого учителя, его желание или нежелание быть таким. То есть, качество учительства — это общедоступное качество, это вопрос выбора самого человека. Другое дело, что ноша «учительства» тяжела, и выбирают ее, поэтому, немногие.

Нам представляется, что гораздо большую проблему для реализации идеалов «учительства», представляет фемининный характер современного школьного учительства. В связи с этим вспоминается фильм Александра Митты «Друг мой Колька!...». Фильм 1961 года, классика нашего кинематографа. А вот образ пионервожатой Ивановой Лидии Михайловны — как будто-то взят из сегодняшних школьных реалий. Ее ориентир, прежде всего, на дисциплину и порядок, неприятие инициативы детей, сопротивление нестандартным проявлениям личности, стремление решать сложные педагогические вопросы административными способами, — закономерно приводят к педагогической агрессии. И сегодня фемининно-агрессивный педагогический стиль — весьма распространенное явление в школе. Нам представляется, что задача сохранения «учительства» как культурной миссии, это не проблема технической образованности. Это, прежде всего, это проблема *маскульнизации* нашего учительства в гендерном смысле этого термина. Конечно, серьезную роль в изменении гендерного облика нашего учительства сыграло бы повышение социального статуса учительства. Но главный резерв маскульнизации нашего учительства нам видится в нем самом, в изменении парадигмы педагогической деятельности: в переходе от авторитаризма к гуманистическим основаниям деятельности.

1. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.

2. Федеральный компонент государственного образовательного стандарта общего образования РФ. <http://www.ed.gov.ru/ob-edu/noc/gub/standart/>

3. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.

4. Федоров А. В. Медиаобразование и медиаграмотность. Таганрог: Изд-во Кучма, 2004.